

УДК 94
DOI 10.52452/19931778_2022_2_16

ЭКСПОРТ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ШКОЛЫ В ИРАНЕ В 1920-х гг.

© 2022 г.

М.Ю. Сурков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

surkov.maksim.1995@gmail.com

Поступила в редакцию 10.01.2022

Раскрываются особенности функционирования иностранных школ в Иране в 1920-х гг. как акторов культурной дипломатии своих стран в контексте начала процесса модернизации системы образования Ирана при шахе Резе Пехлеви. На основе нормативных актов, а также с привлечением опубликованных исследователями документов Министерства просвещения, вакфов и изящных искусств Ирана анализируется деятельность образовательных учреждений Франции, США, Германии в рамках выстраивания национальной системы образования в стране. Рассматриваются особенности функционирования советских русско-персидских школ в Иране и подчеркивается роль Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС), особенно в обеспечении финансирования школ. ВОКС через своих уполномоченных в Иране анализировало работу этих школ. На основе документов из фонда ВОКС (протоколов совещаний, отчетов директоров школ, документов полпредства СССР), хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, и материалов периодической печати исследуется взгляд на работу школ советской прессы, руководства ВОКС, сотрудников полпредства и самих работников школ. В советской прессе формировался положительный образ русско-персидских школ, а в документах полпредства эти школы резко критиковались. Сравнивается отношение иранского правительства к советским и другим иностранным школам.

Ключевые слова: ВОКС, русско-персидские школы, культурная дипломатия, миссионерские школы, Иран, Реза-шах Пехлеви.

Введение

Сфера образования является одним из ключевых элементов формирования национального самосознания [1, р. 2274], оформляя систему ценностей и общий язык коммуникации. Поэтому участие в развитии системы национального образования позволяет косвенным образом влиять на формирование сознания другой нации. Иностранные государства могут принять участие в процессе выстраивания национальной системы образования либо принимая у себя, в рамках своей системы, студентов, либо оказывая помощь на месте. В таких условиях огромное значение могут иметь иностранные учебные заведения, расположенные на территории страны, которые, являясь моделью для подражания, гораздо доступнее для местного населения. В XIX в. Иран обладал неразвитой системой начального и среднего образования, где доминировали мактабы (начальные школы) и медресе (религиозные семинарии), а современное образование было представлено иностранными учебными заведениями. До начала XX в. государство не развивало систему начального и среднего образования. Ситуация начала меняться в период, последовавший за Конституцион-

ной революцией: созданное в 1907 г. Министерство просвещения, вакфов и изящных искусств (Везорат-е маареф ва аугаф ва санайе-йе мостазрафе) заменило Совет по просвещению (Анджоман-е маареф), существовавший с 1898 г., а в 1911 г. меджлис принял Основной закон об образовании, который запретил открывать школы всем желающим и заложил базу государственного регулирования образовательной сферы [2]. Тем не менее к началу правления Резы-шаха большинство школ, в которых изучались Коран, ислам, фарси и арабский, составляли мактабы (традиционные школы), независимые от государства. Выпуск Дар ул-Фунуна (Высшего технического училища) в 1922 г. составил лишь 15 человек. А по данным статистического ежегодника за 1925 г., в государственных и частных школах обучалось не более 50 тыс. учащихся [3, р. 315]. В 1925 г. число учащихся начальных и средних школ дошло до 109 тыс. [4, с. 192]. В 1941 г. число учащихся возросло примерно до 400 тыс. [5, р. 88], что говорит о значительном прогрессе в этой сфере. Идеалом Резы-хана было построение единого, монолитного иранского общества, достижение вахдат-е мелли (национального единства) и эстэглал-е мелли (национальной независимости), для чего,

по меткому замечанию Д. Менашри, требовалось преодолеть два препятствия: субнациональную лояльность племени или этносу и наднациональную лояльность исламу [6, р. 90]. Али Асгар Хекмат (министр просвещения в 1935 – 1938 гг.) в своих воспоминаниях рассматривал систему образования как одну из шести основных составляющих единства иранской нации [7, с. 181–184]. Сфера образования не избежала модернизации, так как стране требовались профессиональные кадры, воспитанные в новом духе ватанпарастии – иранского патриотизма. В марте 1922 г. меджлис принял закон о Высшем совете по образованию (Ганун-е шурайе али-йе маареф) [8], в сферу деятельности которого входила подготовка учебных планов, одобрение учебных пособий, то есть, по сути, контроль унификации образовательной системы. Выстраивалась следующая система школьного образования, которая восходила еще к Закону об образовании 1911 г. [2]: обязательное начальное образование (ст. 3) с 7 лет (ст. 5); школы подразделялись на начальные сельские (4 года) и городские школы (6 лет), средние (6 лет) и высшие (ст. 15) [9, р. 55]. Единая национальная система образования Ирана в 1920-х гг. еще только формировалась, и наиболее современной ее частью продолжали оставаться учебные заведения, основанные иностранцами.

Иностранные школы на территории Ирана в 1920-х гг.

В период, когда Иран начал движение по пути модернизации – в 1920-х гг., на его территории активно действовали иностранные школы, часть которых пользовалась большой популярностью среди иранцев. Количество советских (русско-персидских) школ колебалось от 11 до 4 [10, л. 24]. По данным А. Банани, в 1929 г. в Иране было около 50 иностранных школ [11, цит. по 3, р. 327] (25 из них были американскими) [9, р. 53]. Многие из этих школ вели свою историю ещё от XIX в., с момента их основания христианами миссионерами, и иногда цель существования этих школ высказывалась недвусмысленно: «Мы находимся здесь, чтобы сражаться с магометанством» [5, р. 93]. Самой известной американской миссионерской школой в Иране был American College, основанный еще в 1873 г. миссионерами-пресвитерианцами (обновленное здание для него в 1924 г. спроектировал русский архитектор Н.Л. Марков [12]). С 1874 г. в Тегеране действовала Iran Bethel School for Girls, первая женская школа современного типа в Иране. Очевидно, что продвижение западной культуры в Иран носило не-

сколько агрессивный характер, и поэтому неудивительно, что в иранском обществе нарастало недовольство тем, что современное образование находится в руках иностранных подданных и отчуждает иранцев от их собственной страны и культуры, что ведется открытая анти-исламская пропаганда со стороны миссионерских школ [13, р. 348–349]. Конечно, модернизация страны и национализм требовали иногда несовместимого, поэтому приходилось идти на уступки. Создание современной системы образования, трансфер технологий требовали присутствия иностранных специалистов. Отмена режима капитуляций в 1928 г. вынудила иностранные школы признать, вслед за дипломатическими представительствами их стран, что необходимо вести свою деятельность согласно установкам иранского правительства: первые 4 года преподавание велось только на фарси (а история и география Ирана – и в последующие годы), было запрещено преподавание детям-мусульманам основ других религий (это было направлено, конечно, на миссионерские школы). Иранский национализм коснулся и названий иранских школ, которые теперь должны были звучать по-персидски: Американский мужской колледж в Тегеране (American College Tehran) стал именоваться Колледж Альборз в Тегеране (Alborz College Tehran), Американский женский колледж – «Нурбахш» и т. п. В 1925 г. была открыта закрывавшаяся в годы Первой мировой войны немецкая Техническая школа, которая считалась лучшей в стране и служила очагом немецкого влияния в столице. В этой школе изучались естественно-научные и прикладные предметы, организовывалось прохождение производственной практики в разных областях, а также изучался немецкий язык; в 1929 г. несколько выпускников школы были отправлены в Германию [14, с. 132]. В 1930-х гг. немецкие специалисты оказали помощь в создании технических школ в Тебризе, Исфахане, Ширазе и Мешхеде. Иран активно привлекал иностранных преподавателей, в том числе для Педагогического института (Дар оль-Моаллемин), для специальных учебных заведений, для Тегеранского университета. Что касается модели системы образования для подражания, то выбор был между американской и французской, и до 1940-х гг. последняя была предпочтительнее.

Популярность французских школ была обусловлена традицией тяготения к французской культуре и языку. Наиболее известными французскими школами были школа Сен-Луи, Франко-Персан, Сен-Жозеф, Жан д'Арк и Альянс-е Бани Исраилият (Alliance israélite universelle), а также мадресе-йе Альянс Франсез [15]. В

1926 г. в Школе Альянс Франсез было 120 учеников, причем 50 из них обучались бесплатно, так как школа ежемесячно получала субсидию от Министерства просвещения в 200 туманов; 66 учеников пришли уже с аттестатом о среднем образовании и просто изучали французский язык [16, с. 113]. Несмотря на получение субсидии, финансовое положение школы было плохим, как отмечено в отчете Министерства просвещения 14 августа 1926 г.: директору, Ж. Сильвестру, пришлось вполуполу урезать себе зарплату ради сохранения школы [16, с. 296]. В этот же период, как будет отмечено ниже, советские школы в Иране испытывали схожие финансовые затруднения. На базе школы Франко-Персан, основанной ещё в 1908 г. Юсефом Риша-ханом Муаддаб оль-Мольком, в августе 1918 г. был открыт Дар оль-Моаллемат – Педагогическое училище, которое готовило учительниц для женских школ [17, с. 48]. Интересно отметить, что, например, школа Сен-Жозеф получала субсидию от Министерства просвещения, поэтому была обязана принимать бесплатно на учебу 15 учащихся от министерства в год. Получала небольшое финансирование школа Жан д'Арк, правда, это стало причиной того, что инспектор Министерства просвещения в октябре 1925 г. отметил практически полное отсутствие преподавания персидского языка в школе. Министерство просвещения потребовало от школы (еще до декрета 1928 г.), чтобы количество часов фарси было увеличено [15, с. 97]. То есть процесс иранизации образования был запущен еще до упомянутых выше официальных указаний министерства 1928 г.

С 1928 г. по распоряжению Министерства просвещения выпускники миссионерских школ были обязаны сдавать экзамены, проводившиеся этим министерством, причем результаты экзаменов влияли на воинскую повинность: сдавшие экзамен могли поступить в Офицерское училище, а провалившие – отправлялись в армию. В связи с этим А. Бойс, вице-президент Колледжа Альборз, вспоминал, что «в последующие годы единственной целью получения образования учеников была сдача экзаменов» [5, р. 95]. В 1930-х гг. давление на иностранные школы только усилилось: в 1932 г. был издан указ, который запретил прием персидских подданных на 1932/33 г. учебный год [18, р. 133]. Р. Мэтти считал, что Резы-шаха подтолкнуло к этому беспокойство по поводу деятельности 7 советских школ в Иране [3, р. 328]. В 1939 г. иранское правительство просто решило национализировать все иностранные учебные заведения [19; 13, р. 350], после протестов со стороны США отложило этот вопрос до 1940 г.

Таким образом, традиция присутствия французских и американских, а также немецких школ была достаточно длительной, выражалась в утверждении культурного влияния этих стран (по сути, иранская система образования выстраивалась по франко-американской модели) и была «необходимым злом» для модернизационного проекта Резы-шаха. Необходимо отметить, что, несмотря на влияние иностранных учебных заведений, в сравнении с общим числом иранских школ (начальных и средних) их количество было небольшим. В отчете Министерства просвещения, вакфов и изящных искусств приводятся следующие данные: в 1929 г. в Иране было 3644 школы [20, с. 21] (даже если учесть, что в это число могли быть включены и иностранные школы, как указывалось выше, на 1929 г. – 50 учебных заведений), количественное соотношение получается не в пользу иностранных школ. Это представляется логичным. Но именно по образцу иностранных школ выстраивалась иранская система начального и среднего образования, которая была призвана заменить устаревшую сеть мактабов.

Советские школы в Иране в 1920-х гг.

Советские школы в Иране – иногда в документах именовавшиеся «русско-персидскими школами» – с точки зрения Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), которое оказывало этим школам посильную помощь, являлись важным элементом советского культурного присутствия в Иране, центрами идеологического воздействия на иранских подданных [10, л. 24]. Формально они подчинялись Народному комиссариату просвещения РСФСР и обеспечивали образованием детей сотрудников советских учреждений на территории Ирана, но именно руководство ВОКС старалось отслеживать ситуацию с иностранными школами в Иране для того, чтобы понимать, в каких условиях приходилось действовать. Когда в Москву для чтения лекций приехал востоковед-иранист, бывший офицер Экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова Аркадий Несторович Аннибал (Ганнибал), в январе 1926 г. председатель правления ВОКС О.Д. Каменева расспросила его о состоянии школьного образования в Иране. О советских школах в Энзели и в Тегеране А.Н. Аннибал сообщил, что их работа организована прекрасно, а касательно иностранных школ он считал, что большую роль играют французские клерикальные школы и американские учебные заведения, очень распространены французский язык. Нельзя не отметить рабочий, деятельный подход О.Д. Камене-

вой к вопросу о развитии школ в Иране: «Таким образом, вырисовывается картина необходимости нашего культурного наступления более быстрым темпом. Сейчас, несомненно, на Востоке ... Англия берет деньгами, и ясно, что там нужны радикальные меры» [21, л. 147]. Таким образом, сугубо практическое предназначение русско-персидских школ было дополнено идеологическим компонентом, они воспринимались как составляющая «культурного наступления» на Востоке.

Возможности для «радикальных мер» тем не менее, сужались: иранское правительство, выстраивая монолитную нацию иранцев, опиралось во многом на персидский язык (фарси) как на средство, способное объединить лингвистически раздробленную на множество языков (азербайджанский, армянский, курдский, лурский, арабский, туркменский, и это если не считать диалекты) нацию. В соответствии с этим стремлением, как уже упоминалось, Министерство просвещения стало жестко регламентировать деятельность иностранных школ, и советские школы не стали исключением: легальная деятельность школ ставилась в зависимость от выполнения определенных Министерством просвещения условий. Эти условия были доведены до сведения советской стороны яддаштом от иранского МИД от 17 октября 1926 г.: «1. Девочки-мусульманки отнюдь не должны быть принимаемы в эти школы, согласно обязательства, которое Посольство приняло своим письмом. 2. Необходимо выполнять программу Министерства Просвещения. 3. Среди персидских подданных не должна вестись политическая пропаганда. 4. Мусульманским детям должно преподаваться мусульманское вероучение. 5. Министерство Просвещения имеет право во всякое время контролировать эти школы» [22, л. 159]. Несмотря на эти условия, учителя русско-персидских школ продолжали вести политическую пропаганду [23, с. 192], и требования персидского правительства относительно приема в школы лиц женского пола тоже не исполнялись. 21 февраля 1927 г. консул СССР в Мазандеране А. Бусяцкий отправил С.К. Пастухову в Отдел Ближнего Востока отношение касательно персидской подданной Фатьмы-Ханум Багировой. По словам А. Бусяцкого, «на лицо печальная история: в Совшколе учится-персиянка 15 лет Фатьма-Ханум Багирова. Как Вам известно, девочки-персиянки в Совшколе не имеют права учиться. Девочка же Багирова очень интересный экземпляр: очень способная и честная. Ее отец удивительный фанатик-советофил. Он у меня со слезами просит не выбрасывать девочку из школы. Его просьбу я удовлетворить не мо-

гу, т. к. не сегодня-завтра я могу получить от каргузара¹ протест. ... Отец сказал, что ... будет рад видеть дочь свою обучающейся в СССР» [24, л. 106]. 21 апреля 1927 г. С.К. Пастухов написал О.Д. Каменевой, что «Отдел Бл. Востока просит Вас принять участие в устройстве упомянутой девочки в одну из школ в г. Тифлисе» [24, л. 105]. Но, по всей видимости, отец девочки решил устроить ее судьбу иначе. 17 октября 1927 г. консул СССР в Барфруше Лепетенко написал в ВОКС, что «Багирова вышла замуж; переписка о ней прекращается» [22, л. 146].

Первая советская школа в Иране появилась в Тегеране в 1922 г. [22, л. 328] (либо в 1921 г.) [25, с. 4]. Количество школ постепенно росло и в разные годы варьировалось от 4 до 11, причем многие школы существовали на грани закрытия из-за материальных трудностей. В 1926 г. работало 7 единых трудовых школ: «четыре – 4-летки, 2 – девятилетки и одна – 7-летка» [25, с. 4]. В 1929 г. Л.М. Карахан в докладной записке для СНК перечислил школы, действовавшие в первой половине 1928 г. в 7 городах – в Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Реште, Пехлеви, Бендергязе и Барфруше, и отметил, что из-за отсутствия достаточного финансирования полпред СССР в Иране был вынужден оставить к 1928/29 учебному году только 4 школы [10, л. 24]. Особую важность в ВОКС придавали школе в Тебризе. Председатель правления ВОКС Ф.Н. Петров, обратившись за содействием по вопросу выделения дополнительных средств на русско-персидские школы в феврале 1929 г. в полпредство ЗФСР при СНК СССР, аргументировал свою позицию доводами из отчета о деятельности советской трудовой школы в Тебризе (представлен генконсулом И.Р. Тумановым и директором школы А. Войтовичем). В этом отчете работа школы была представлена как деятельность по противодействию влиянию других, идеологически враждебных школ в иранском Азербайджане. Были приведены следующие цели существования школы: «1. Школа должна являться источником сближения советской культуры с культурой персидской, служа рассадником идей и основ Советской власти. 2. Школа должна являться нашим идеологическим орудием против наиболее реакционной и непримиримо настроенной к нам Закавказской эмиграции» [10, л. 24]. Противниками в данном случае выступали иностранные школы в Тебризе: миссионерская французская школа для мальчиков и девочек, американская средняя школа «Мемориал» для мальчиков и средняя школа для девочек, немецкая школа для слепых и глухих, а также две армянские гимназии, яв-

лявшиеся «центром, объединяющим в Тавризиде идеологические силы дашнаков и подготовляющим новые» [10, л. 30, 30об].

Советская пресса освещала работу русско-персидских школ с точки зрения их пропагандистской пригодности. Статья в «Учительской газете» от 27.11.1926 г. за подписью Грайра описывала воспитательное воздействие советских школ в Иране: при школе усилиями старшеклассников был организован клуб и «дети персов, посылаемые по пятницам в мечеть, прибегают в клуб и, забыв всякие молитвенные настроения предаются "Советским развлечениям" под зубовный скрежет иностранных друзей» [25, с. 4]. Однако те, кто непосредственно наблюдал за ситуацией, по-другому оценивали деятельность школ: генконсул СССР в Тегеране В.И. Плятт в письме от 18 февраля 1927 г. гневно написал: «...мы передали тов. Паньяну (Эрванд Аветович Паньянц – заведующий Тегеранской школой. – М.С.) №№ учительской газеты со страшно лживой и неправдоподобной статьей, страшно хвастливой статьей, ибо положение нашей школы в Тегеране и других городах не такое блестящее. ... Я не знаю, кто автор этой статьи, но он, по моему к глубочайшему убеждению патентованный жулик» [22, л. 2, 2об.]. Тем не менее в этой статье четко обозначено предназначение советской школы в Иране: она «призвана демонстрировать советскую культуру на Востоке». В статье отмечаются и трудности, с которыми сталкивались советские школы: «ни одно из школьных зданий не соответствует своему назначению ... слаба постановка политического воспитания»; отметим, что методы политического воспитания были поставлены довольно слабо и на территории России [26, с. 457].

Советские дипломатические работники, а также спонсировавшие школы советские организации очень критично относились к деятельности русско-персидских школ, в том числе и потому, что, по их мнению, школа имела явный руссификаторский уклон, персидские дети из нее уходили. В.И. Пляттом приводились следующие данные относительно Тегеранской школы на 1927 г.: из 133 учеников с 1 по 7 группу 32 учащихся отмечены как «персы», причем в последних группах «персов» нет, причем уходить было куда: «не может быть никакой речи о конкуренции с иностранными школами, которые ежегодно выпускают, особенно американский Колледж и Германская школа от 15 до 20 молодых людей, прекрасно владеющими иностранными и персидским языками, знающими основы коммерческих наук, бухгалтерии и т. д. и охотно принимаемыми местными правительственными учреждениями и частными

торговыми фирмами» [22, л. 331]. В полпредстве недовольны были и педагогическим составом школы, который «совершенно незнаком с духом СССР. ... Директор школы, Паньянц, армянин, с особой персидской окраской и потому в нашей школе процветает армянский язык ... находится в Персии с 18 года, старый педагог... Его помощницей является гр. Рерик, бывш. преподавательница гимназии, бежавшая из СССР в 18 г. ... Синельникова, Ольга Евгеньевна – типичная преподавательница эмиграции ... жена Паньянца, разыгрывающая роль директрисы ... Севрюгин, Андрей Антонович² – молодой человек окончил французскую школу, талантливый человек, которого любят дети. Мелик-Степанов. – армянин с дашнакским уклоном, Москва отказала ему в принятии в Совгражданство... Хованская, Лидия Ивановна, фребеличка, относится с большой любовью к детям и к своей работе» [22, л. 333–34]. Таким образом, видно, что многие преподаватели русского или армянского происхождения были эмигрантами и считались, с точки зрения советских представителей, неблагонадежными, не знающими «духа» новой советской России, но тем не менее в школах работали, поскольку найти квалифицированных педагогов было сложно. Вердикт В.И. Плятта был однозначен: «школу необходимо видоизменить, построив ее по двум принципам: I-ое – сделать ее персидской, привлечь перс. детей и уничтожить армянский язык, закрыть старшие классы, в которых имеется по 3–4 человека, школе придать коммерческо-ремесленный уклон с педагогическим отделением» [22, л. 334]. Однако отсутствие средств вынуждало заниматься борьбой за выживание, а не реформированием школ.

Проблемы русско-персидских школ становились предметом обсуждения и в Москве. 29 июля 1927 г. О.Д. Каменева провела совещание по работе ВОКС в Персии, где, опираясь на информацию, полученную от референта ВОКС по Ближнему Востоку А.Н. Урванцевой, следующим образом описала работу школ: «наше школьное дело в Персии страдает рядом весьма существенных недостатков. Всего в Персии наших школ I-й и II-й ступени числится 11, из которых фактически работает только 8. Подробных данных о работе наших школ в Персии нет, кроме доклада т. Платте о тегеранской школе, где, несмотря на бесплатное обучение, наблюдается переход персидских детей в английские школы. Это об"ясняется перегруженностью программы школ, изучением языков /русского, франц., армянского / и чрезмерным уклоном в сторону общественных наук. В то время, как английские школы дают определен-

ную практическую, преимущественно техническую подготовку»; и по итогам совещания было постановлено: «учитывая, что советские школы в Персии являются одним из наиболее важных проводников культурной работы, принять самые энергичные меры против дальнейшего их разложения» [24, л. 167]. На проблемы указывал и недавно назначенный полпредом в Иран Я.Х. Давтян в ноябре 1927 г. в своем докладе заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану. В советском полпредстве внимательно отслеживали стремление иранского правительства создать полноценную национальную систему образования и не просто констатировали факт, а дополнили цель существования школ: помимо укрепления советского культурного влияния и создания «среди персидской молодежи тяги в Советский Союз», Я.Х. Давтян считал, что очень важно, чтобы из советских школ в Иране выпускалась молодежь, «которая пошла бы в персидские высшие учебные заведения, и которая явилась бы там революционным бродилом, революционным организатором и ядром национально-революционного и антиимпериалистического движения среди студенчества» [24, л. 283–286].

Причиной закрытия школ стало отсутствие средств, что, в принципе, было логично. Ситуация с формированием бюджета школ была следующей: сначала бюджет школ формировался из отчислений советских учреждений в Иране, в 1925 г. была установлена субсидия со стороны Наркомпроса РСФСР, позже, в 1926 г., школы включили в бюджет НКВД, но бюджетное ассигнование было недостаточным: его хватало только на 1/6 часть расходов. Необходимые средства изыскивались из отчислений советских предприятий в Иране, в том числе из доходов от порта Пехлеви. Однако передача порта Пехлеви по соглашению, заключенному в сентябре 1927 г., под управление иранцев, а также режим экономии работы советских хозорганов в Иране существенно сократили бюджет советских школ [10, л. 24]. За поддержкой в вопросе получения дополнительного финансирования НКВД обратился за помощью в ВОКС: 4 февраля 1929 г. референт по Персии Голуб и заведующий отделом Ближнего Востока НКВД С.К. Пастухов направили в ВОКС просьбу посодействовать во внесении в ЦИК СССР вопроса о ежегодных ассигнованиях на советские школы в Иране [10, л. 26].

Вмешательство ВОКС было успешным. Несмотря на то, что изначально попытки были безуспешны: в феврале в выделении средств было отказано [10, л. 92–92об.], и в мае 1929 г. заместитель председателя СНК СССР Я.Э. Рудзук ответил на ходатайство ВОКС отрица-

тельно: «ввиду того, что в валютном плане текущего года отпуск валюты на указанные нужды не предусмотрен и в распоряжении СНК СССР не имеется каких-либо дополнительных источников для изыскания валюты на эти цели, ходатайства ВОКС'а не могут быть удовлетворены» [10, л. 90], но осенью 1929 г. средства на содержание школ были выделены, в том числе благодаря обращению к заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану в августе того же года. 10 октября 1929 г. генконсул в Тебризе А.Е. Заславский сообщил ВОКС, что «закрытие Тавризской школы явилось-бы для нас ... политическим скандалом. ... поэтому Ваше выступление /письмо т. Карахану/ оказалось весьма своевременным и, несомненно, ускорило решение вопроса. Пару дней тому назад мы получили официальное сообщение от НКВД о том, что на содержание Тавризской школы отпущено 11.000 рублей и на содержание Бендергязской – 3000 руб. на год. ... Это большое наше достижение, которым в значительной мере обязаны Вашей активной поддержке» [10, л. 95]. Причем в определенном смысле способствовали этому и китайские события: референт по Персии НКВД М.О. Булле сообщила референту ВОКС Б. Лебедеву, что деньги, которые шли на финансирование школ в Китае, были направлены на финансирование русско-персидских школ [28, л. 30]. Взаимодействие сотрудников центрального аппарата НКВД и ВОКС обеспечило бюджетным финансированием русско-персидские школы в Иране.

Выводы

Не только советские школы, но и другие учебные заведения под иностранным контролем вызывали опасение иранского правительства, поскольку мало внимания уделяли персидскому языку, истории и литературе Ирана, а также занимались пропагандой (в миссионерских школах – христианской, в советских – коммунистической). Тем не менее модернизация страны требовала большого количества квалифицированных, образованных специалистов, и избежать взаимодействия с иностранными специалистами, в том числе в области образования, было невозможно. Традиционные связи Ирана в области образования с США и Францией в правление Резы-шаха были дополнены открытием популярной немецкой Технической школы, что логично встраивалось в концепцию расширения связей с Германией. Советские школы в данной области занимали только небольшую нишу, в основном обеспечивая потребности советских учреждений на территории

Ирана. Однако для руководства ВОКС эти школы были важными очагами советской культуры на территории Ирана. Уполномоченные ВОКС в Иране (сотрудники полпредства и консульств) анализировали деятельность русско-персидских школ и, критикуя, предлагали варианты преобразования школ для повышения их конкурентоспособности. Нельзя сказать, что какие-то школы пользовались особыми привилегиями, а какие-то были во всем ущемлены. Реза-шах вел целенаправленную политику построения независимой национальной системы образования, поэтому все меры иранского правительства были направлены, с одной стороны, на извлечение максимальной выгоды от работы иностранных школ в Иране, с другой – на их национализацию.

Примечания

1. Каргузар (کارگذار) – чиновник иранского министерства иностранных дел, ведавший сношениями с иностранными консулами; каргузари (کارگذارى) – канцелярия каргузара.

2. Сын известного придворного фотографа каджарского Ирана Антона Севрюгина [27, с. 64–66], по роду занятий – художник, создавал картины по мотивам иранского эпоса «Шахнаме». Жена Андрея Севрюгина – Авакимова Манефа Николаевна – работала преподавательницей кройки и шитья.

Список литературы

- Alesina A., Giuliano P., Reich B. Nation-Building and Education // *The Economic Journal*. August 2021. Vol. 131. Iss. 638. P. 2273–2303.
- Закон об образовании [قانون اساسی معارف]. URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/90163> (дата обращения: 11.12.2021).
- Matthee R. Transforming Dangerous Nomads into Useful Artisans, Technicians, Agriculturists: Education in the Reza Shah Period // *Iranian Studies*. 1993. Vol. 26. № 3/4. P. 313–36.
- Садиг Иса. Краткий период истории культуры Ирана [دوره مختصر تاریخ تاریخ فرهنگ ایران]. Тегеран, 1976. 270 с. (на перс. яз.).
- Marashi A. *Nationalizing Iran: Culture, Power and the State*. Seattle, WA: University of Washington Press, 2008. 200 p.
- Menashri D. *Education and the Making of Modern Iran*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 1992. 328 p.
- Хекмат Али Асгар. Тридцать воспоминаний о счастливой эпохе Пехлеви [سی خاطره از عصر فرخنده]. Тегеран, 1976. 400 с. (на перс. яз.).
- Закон о Высшем совете по просвещению [قانون شورای عالی معارف]. URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/90680> (дата обращения: 11.12.2021).
- Sadiq I. *Modern Persia and Her Educational System*. PhD Thesis. New York, 1931. 125 p.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 134.
- Banani A. *The Modernization of Iran, 1921–1941*. Stanford: Stanford University Press, 1961. 191 p.
- Архитектор Николай Марков (1883–1957): персидская судьба русского казака // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. URL: https://www.domrz.ru/exhibition/arkhitektor_nikolay_markov_1883_1957_persidskaya_sudba_russkogo_kazaka/ (дата обращения: 11.12.2021).
- Zirinsky M.P. *Render Therefore Unto Caesar the Things Which Are Caesar's: American Presbyterian Educators and Reza Shah* // *Iranian Studies*. 1993. Vol. 26. No. 3/4. P. 337–356.
- Рафи Х., Аббасзаде-Марзбали М. Анализ отношений Ирана и Германии в период с начала правления династии Пехлеви до конца Второй мировой войны [بررسی روابط ایران و آلمان؛ از آغاز دوره پهلوی تا پایان جنگ جهانی دوم]. // *Фаслنامه-йе моталеат-е тарих*. 2018. Т. 17. № 63. С. 129–152 (на перс. яз.).
- Шейхрезаи Ансие. Французские школы в Иране [مدارس فرانسوی در ایران]. // *Гянджине-йе аснад*. 1995. Вып. 3–4. С. 95–109 (на перс. яз.).
- Натег Хома. Деятельность французов в области культуры в Иране (1837 – 1921) [کارنامه فرهنگی در ایران]. Париж, 1996. 380 с. (на перс. яз.).
- Яздани Марзия. Основание женского Педагогического училища и женское образование [تأسیس ادارالمعلمت (دانش سرای دختران) و تحصیلات بانوان] // *Гянджине-йе аснад*. 1999. Вып. 3–4. С. 47–81 (на перс. яз.).
- Elwell-Sutton L. P. *Modern Iran*. London: George Routledge & Sons Ltd, 1941. 234 p.
- Чучкалов А. В. Американская дипломатия и закрытие школ пресвитерианской образовательной миссии в Иране (август 1939 – январь 1942 гг.) // *Вестник ВятГУ*. 2006. № 14. С. 222–232.
- Яздани Марзия. Краткая история просвещения в Иране: новое прочтение отчета о подходе Ирана к распространению культуры и основанию образовательных учреждений [تاریخچه معارف در ایران بازخوانی] // *Гянджине-йе аснад*. 1998. Вып. 3–4. С. 10–25 (на перс. яз.).
- ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 67.
- ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 20.
- Тахер-Ахмади Махмуд. Отношения Ирана и СССР в период правления Резы-шаха [روابط ایران و СССР در دوره رضاشاه]. Тегеран, 2005. 330 с. (на перс. яз.).
- ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 78.
- Грайр. Мактаби рус // *Учительская газета*. 27.11.1926. № 47 (119). С. 4.
- Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы)*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 435–493.
- Комиссаров Д.С. *Человек, умиривший трижды: воспоминания востоковеда*. М.: Новый хронограф, 2011. 454 с.
- ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 53.

EXPORTING SOVIET-STYLE EDUCATION: RUSSO-PERSIAN SCHOOLS IN IRAN IN THE 1920s

M.Yu. Surkov

The article focuses on activities of the foreign schools in Iran in the 1920s that acted as agents of cultural diplomacy of their countries. This period saw the first steps that were taken by Reza Shah Pahlavi to modernize the educational system of Iran. The activities of French, US and German educational institutions within the framework of the emerging national state-controlled system of education are examined using relevant legislation and published documents of the Ministry of Enlightenment, Waqfs and Fine Arts. The functioning of the Soviet Russo-Persian schools in Iran is analysed and the importance of the All-Union Society for the Cultural Ties with Abroad (VOKS) is emphasised especially in relation to securing necessary funding for these schools. The representatives of VOKS in Iran carried out assessments of the Soviet schools. The activities of Soviet schools are shown from the viewpoints of the Soviet periodic press, heads of the VOKS, Soviet diplomatic representatives and school administration that were reflected in the archival documents (meeting minutes, reports of the directors of the schools, documents from the Soviet Embassy and Consulates) stored in the VOKS fund in the State Archive of the Russian Federation (GARF). The Soviet press forged a positive image of the Russo-Persian schools, while in the internal documentation of the Soviet diplomatic staff the schools were criticised. The attitude of the Iranian government to the Soviet and other foreign schools is compared in this article.

Keywords: VOKS, russo-persian schools, cultural diplomacy, foreign schools, Iran, Reza Pahlavi.

References

1. Alesina A., Giuliano P., Reich B. Nation-Building and Education // *The Economic Journal*. August 2021. Vol. 131. Iss. 638. P. 2273–2303.
2. The Law on Education [قانون اساسی معارف]. URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/90163> (Date of access: 11.12.2021).
3. Matthee R. Transforming Dangerous Nomads into Useful Artisans, Technicians, Agriculturists: Education in the Reza Shah Period // *Iranian Studies*. 1993. Vol. 26. № 3/4. P. 313–36.
4. Sadig Isa. A brief period of the history of Iranian culture [اداره مختصر تاریخ تاریخ فرهنگ ایران]. Tehran, 1976. 270 p. (in Persian).
5. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power and the State. Seattle, WA: University of Washington Press, 2008. 200 p.
6. Menashri D. Education and the Making of Modern Iran. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 1992. 328 p.
7. Hekmat Ali Asghar. Thirty Memories of the Happy Pahlavi Era [سی خاطره از عصر فرخنده پهلوی]. Tehran, 1976. 400 p. (in Persian).
8. The Law on the Supreme Council for Education [قانون شورای عالی معارف]. URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/90680> (Date of access: 11.12.2021).
9. Sadiq I. Modern Persia and Her Educational System. PhD Thesis. New York, 1931. 125 p.
10. State Archive of the Russian Federation. F. P-5283. Coll. 1a. Aids. 134.
11. Banani A. The Modernization of Iran, 1921–1941. Stanford: Stanford University Press, 1961. 191 p.
12. Architect Nikolai Markov (1883–1957): The Persian fate of the Russian Cossack // *Solzhenitsyn House of the Russian Abroad*. URL: https://www.domrz.ru/exhibition/arkhitekto_nikolay_markov_1883_1957_persidskaya_sudba_russkogo_kazaka/ (Date of access: 11.12.2021).
13. Zirinsky M.P. Render Therefore Unto Caesar the Things Which Are Caesar's: American Presbyterian Educators and Reza Shah // *Iranian Studies*. 1993. Vol. 26. No. 3/4. P. 337–356.
14. Rafi H., Abbaszade-Marzbali M. Analysis of relations between Iran and Germany in the period from the beginning of the Pahlavi dynasty to the end of World War II [بررسی روابط ایران و آلمان؛ از آغاز دوره پهلوی تا پایان].
15. Sheikhezai Ansiye. French schools in Iran [مدارس فرانسوی در ایران]. // *Ganjnets-e asnad*. 1995. Vol. 3–4. P. 95–109. (in Persian).
16. Natig Homa. French cultural activities in Iran (1837 – 1921) [کارنامه فرهنگی فرنگی در ایران]. Paris, 1996. 380 p. (in Persian).
17. Yazdani Marzia. Foundation of the Women's Pedagogical College and women's education [تأسیس [دارالمعلمت (دانش سرای دختران) و تحصیلات بانوان]. // *Ganjnets-e asnad*. 1999. Vol. 3–4. P. 47–81 (in Persian).
18. Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. London: George Routledge & Sons Ltd, 1941. 234 p.
19. Chuchkalov A.V. American diplomacy and the closure of schools of the Presbyterian Educational Mission in Iran (August 1939 – January 1942) // *Bulletin of Vyatka State University*. 2006. № 14. P. 222–232.
20. Yazdani Marzia. A Brief History of Education in Iran: a New Reading of the report on Iran's Approach to the dissemination of culture and the foundation of educational institutions [تاریخچه معارف در ایران بازخوانی گزارش از [رویکرد ایران به گسترش فرهنگ و ایجاد مؤسسات آموزشی]. // *Ganjnets-e asnad*. 1998. Vol. 3–4. P. 10–25 (in Persian).
21. State Archive of the Russian Federation. F. P-5283. Coll. 1a. Aids. 67.
22. State Archive of the Russian Federation. F. P-5283. Coll. 4. Aids. 20.
23. Taher is Ahmadi Mahmoud. Relations between Iran and the USSR during the reign of Reza Shah [روابط [ایران و شوروی در دوره رضاشاه]. Tehran, 2005. 330 p. (in Persian).
24. State Archive of the Russian Federation. F. P-5283. Coll. 1a. Aids. 78.
25. Gryre. Maktabi rus // *Teacher's newspaper*. 27.11.1926. № 47 (119). P. 4.
26. Balashov E.M. Policy in the field of school, vocational and secondary special education, 1917–1941 // *Schedule of changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)*. M.: New Literary Review, 2012. P. 435–493.
27. Komissarov D.S. The man who died three times: memoirs of an Orientalist. M.: New Chronograph, 2011. 454 p.
28. State Archive of the Russian Federation. F. P-5283. Coll. 4. Aids. 53.